

*В. И. СУДАКОВ, д-р социол. наук, проф.
(Межрегиональная Академия управления персоналом, г. Киев)*

ПРОТИВОРЕЧИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Наукові праці МАУП, 2003, вип. 5, с. 130–134

Конец XX столетия несомненно войдет в мировую историю как завершающий этап крушения огромной империи — Советского Союза. Появление на политической карте мира новых независимых государств с достаточно мощным ресурсным потенциалом по праву можно считать явлением глобального масштаба. В то же время, в период становления молодых постсоветских государств, существенно обострились экономические, политические и культурно-идеологические противоречия, непосредственно связанные с тенденциями системной трансформации этих стран от тоталитаризма к демократии. Рубеж двух тысячелетий также придает определенный импульс исследованию проблем социально-политического развития постсоветских государств в контексте глобальной культурно-исторической динамики. Поэтому современный научный подход к изучению трансформационных тенденций, специфики политических детерминант в формировании идеологии демократического реформирования стран бывшего СССР объективно связан с поисками содержательных ответов на достаточно непростые теоретико-методологические вопросы. Можно ли рассматривать процессы демократизации и либерализации общественной жизни посттоталитарных систем исключительно как факторы гармонизации и гуманизации социальных отношений? Можно ли однозначно связывать процессы углубления демократических реформ с задачами реального повышения уровня жизни населения, углубления социального равенства? Обладают ли постсоветские общества

необходимыми материальными ресурсами для организации демократического правопорядка? Насколько конструктивным в мировоззренческом и теоретико-методологическом плане является ставший почти традиционным способ рассмотрения трансформационных тенденций в границах концептуального континуума “тоталитаризм — демократия”?

Рассмотрение последней проблемы представляет особую теоретическую и практическую значимость. В этой связи важно обратить внимание на широко распространенную среди ученых и политиков мифологию, приверженцы которой утверждают, что демократический идеал в полной мере воплощен в развитых западных странах. Между тем многие известные западные теоретики находят немало заслуживающих внимания аргументов, свидетельствующих о доминировании тоталитарных тенденций в процессах самоорганизации и контроля базовых общественных секторов современных демократических государств. Так, еще в начале 60-х годов в работе “Одномерный человек” Г. Маркузе, в частности, писал: “Сам способ организации своей технологической основы современного индустриального общества заставляет его быть тоталитарным; ибо “тоталитарное” здесь означает не только террористическое политическое координирование общества, но также нетеррористическое экономико-техническое координирование, осуществляемое за счет манипуляции потребностями с помощью имущественных прав. Таким образом, создаются препятствия для по-

явления действенной оппозиции внутри целого. Тоталитаризму способствует не только специфическая форма правительства или правящей партии, но также специфическая система производства и распределения, которая вполне может быть совместимой с «плюрализмом» партий, прессы, «соперничающих сил» и т. п.» [5, с. 4].

Конечно, аргументацию Г. Маркузе можно рассматривать в качестве гуманистической критики современного капитализма. В определенном смысле даже самую развитую демократию можно рассматривать в качестве специфической модели тоталитарной общественной системы. Ведь любое общество по своим организационно-функциональным основаниям представляет собой определенную целостность (тотальность), обусловленную взаимосвязью и взаимозависимостью различных по своему качеству типов социальных взаимодействий — экономических, политических и духовных. Особо важно учитывать, что по мере прогресса институционализации экономической, политической и духовной сфер общественной жизни взаимосвязи между ними становятся все более сложными и противоречивыми. Нередко они существуют в форме острых организационных конфликтов, объективно принуждающих людей к ощущениям постоянной нестабильности или, по терминологии Д. Белла, к жизни «в страхе и трепете» [2, с. 251]. Поэтому так или иначе в современных обществах объективно возникают запросы на определенные технологии «наведения порядка».

Конкретные же прагматические стратегии решения задачи «наведения порядка», как известно, могут формироваться под влиянием самых различных условий и обстоятельств, зачастую путем прямого игнорирования действующего законодательства и существующих демократических процедур. Поэтому в полной мере можно понять озабоченность многих видных западных теоретиков тем, что даже наиболее гуманные технологии поддержания социальной стабильности оказываются несовместимыми с самим процессом развития демократии — т. е. с процессом постоянного усиления роли народа в организации своей жизни и соответственным ослаблением функций его представительных органов, т. е. государства.

Заметим, что некоторые современные политологи считают и доказывают, что демократическими по своему содержанию являются все те процедуры и решения, которые принимаются и проводятся в жизнь в интересах большинства. При этом довольно часто они указывают, что

сегодня термин «демократия» имеет более широкое содержание, чем его этимологическое значение. Буквально он означает «власть народа». Однако в строгом смысле власть всегда означает господство одних людей над другими. Поэтому сам по себе термин «демократия» указывает на народ как на субъект власти, но не указывает на него как на объект властного воздействия. Между тем система властных воздействий такого рода является причиной многих существенных культурно-идеологических противоречий, деформирующих сами способы и модели нормативно-правовой регламентации демократического процесса или правил «демократической игры».

Несомненно, что данная тема нуждается в обстоятельной научной разработке, поскольку в своих содержательных аспектах она выражает саму суть ключевого императива политического управления посттоталитарным обществом — создать прочные экономические, политико-правовые, культурно-идеологические, организационно-функциональные структуры демократического порядка.

Именно поэтому политическое управление является стратегическим по сути. В основе любой стратегии лежит императивный блок, выраженный определенной системой ценностей, норм и идеалов, совокупность которых известный американский политолог Р. Даль называет «идеальной демократией» [4, с. 39–82]. Однако, на наш взгляд, сам процесс политического управления имеет более сложную детерминацию и по сути является обусловленным накопленным технологическим опытом диагностики конкретных состояний базовых структурных элементов социума: межличностных, межгрупповых, межинституциональных коммуникаций и взаимодействий.

Важно также помнить и учитывать, что помимо структурного существует также и процессуальный уровень организации социальной среды. В этой связи важно обратить внимание на следующие факторы.

Во-первых, в практике политического управления особое значение имеет выделение процессов субстанционального типа, в которых люди рассматриваются под углом их функциональной взаимозаменяемости: ведь долгое время само искусство управления связывалось с решением задач оперативной замены неэффективно действующих субъектов на тех, которые способны действовать более эффективно.

Во-вторых, существуют также и экзистенциально ориентированные процессы, в которых замена одного человека на другого является фак-

тором социального риска. В сфере политики, как известно, огромная роль принадлежит политическим лидерам различных партий и движений. Замена же одного лидера на другого в ряде случаев может быть фактором деструктивного типа, ведущим к утрате политического влияния той или иной политической силой.

В-третьих, нельзя забывать, что многие социальные процессы могут представлять цепь уникальных дискретных событий, способных формировать возможные альтернативы развития и тем самым выступать факторами социальной деструкции, кризиса или прогресса.

На наш взгляд, кризис современной теории политического управления коренится в чрезвычайно слабой разработанности диагностических технологий, связанных с учетом качественного многообразия структурных и процессуальных компонентов социальной среды. Кроме того, не менее важно обратить внимание и на достаточно очевидный процесс трансформации функциональных приоритетов политического управления. В сфере внутренней политики данные приоритеты традиционно связывались с регулированием экономических, политических и культурных неравенств. По мнению известных западных теоретиков, в современном постиндустриальном мире появились новые типы неравенств, которые существенно изменяют приоритеты политического управления.

В книге О. Тоффлера «Смещение власти» специально анализируется природа информационных неравенств. Автор указывает на обстоятельство появления нового (по сути нелегитимного) центра власти, который образуют структуры, контролирующие динамику движения информационных процессов. Этот новый центр власти выполняет функции опеки и контроля легитимных властных институтов, что в целом не совместимо с принципами демократии [12, с. 243–265]. В известном смысле всегда была определенная зависимость политиков от интеллектуалов, когда приобретали актуальность вопросы «научного обеспечения» принятия политических решений. В настоящее время интеллектуалы через сеть научных экспертно-аналитических центров и организаций способны манипулировать политиками, навязывать им такие стратегии внутренней и внешней политики, которые вызывают массовые протесты, ограничивают права и свободы людей.

Весьма показательным является то, что с середины 80-х годов XX в. в западной политологии и юриспруденции достаточно актуальной

остается тема формирования новых теневых центров власти, осуществляющих не только функции контроля, но и опеки (guardianship) легитимных властных структур. По мнению некоторых западных исследователей, эти представляющие прямую угрозу демократии новые центры власти формируются в системе спецслужб и в клубах олигархов [11, с. 276].

В этой связи отметим, что позитивный опыт регулирования информационных неравенств практически отсутствует. А в наших условиях посттоталитарного развития информационные неравенства — это реальный источник коррупции. Ведь если ты владеешь информацией, а тем более сам ее производишь и обладаешь возможностью навязать ее политикам в качестве основы принятия оперативных и перспективных решений, то эта информация моментально может превращаться в орудие незаконной добычи колоссальных денег. Закономерными следствиями этого являются усиливающаяся поляризация социальной структуры общества, рост социальной напряженности, дисгармония и конфликт общественных интересов.

Отмеченные обстоятельства являются важным онтологическим стимулом разработки новой парадигмы политического управления. В этой связи важно обратить внимание на пять важнейших технологических направлений научного поиска, нацеленных на разработку новой парадигмы политического управления в XXI веке.

1. В мире существует огромный запрос на реабилитационные технологии, ориентированные на оказание помощи людям, живущим в нищете и за чертой бедности. Известный английский социолог Э. Гидденс подчеркивает, что ключевая задача современной социологической теории заключатся в объяснении феномена бедности в богатом обществе и нахождении эффективных способов оказания реальной помощи бедным [3, с. 112]. Очевидно, нет необходимости доказывать значимость оптимального решения данной задачи в современных постсоветских странах, в которых даже органами официальной статистики более трети населения фиксируется в качестве бедного и крайне нуждающегося социального слоя. Поэтому разработка технологий борьбы с нищетой и бедностью становится приоритетной теоретической и практической проблемой политического управления.

2. Антикоррупционные технологии могут быть средством нейтрализации многих деструктивных факторов демократического развития. Хорошо известно, что демократический процесс имеет ряд

теневых нюансов, которые ведут к коррупции. Так, демократия как народовластие в нормативном плане предполагает, что в органы власти народ избирает лучших своих представителей. Однако на практике “лучшими” становятся более активные, экономически “продвинутые” субъекты, которые с помощью современных PR- и медиатехнологий конструируют свой привлекательный социальный имидж и декларируют себя в качестве лучших и наиболее достойных граждан общества, не являясь таковыми по сути. Поэтому многие эксперты и практики, имеющие опыт организации избирательных кампаний, достаточно четко представляют себе реальную цену депутатского мандата в том или ином избирательном округе. Естественно, что существуют определенные правовые механизмы, обеспечивающие равные шансы для всех участников электорального процесса — ограничение размера избирательного фонда, равный доступ к телеэфир и др. Однако в большинстве случаев данные механизмы действуют лишь в период избирательной кампании. Поэтому ничто не мешает решению задач “раскрутки” кандидатов задолго до ее официального начала.

Известно, что достаточно непростым является и процесс регистрации кандидатов. Даже такая самая простая процедура электорального процесса, как сбор подписей избирателей, является для многих достойных кандидатов в органы власти непреодолимой экономической и организационной проблемой. В итоге избирателям по сути навязывается выбор из числа тех кандидатов, которых люди не считают и не признают в качестве лучших представителей общества. Очевидно, сам феномен “вынужденного демократического выбора” требует тщательного изучения. Данные мониторинговых социологических исследований, проведенных в Украине в 90-х годах, убедительно свидетельствуют, что гражданам, получившим массовую поддержку на выборах в Верховную Раду Украины и ставших народными депутатами Украины в период 1994–1998 годов, доверяло лишь от 6,9 до 9,7 % населения. При этом от 33,3 до 42,7 % опрошенных респондентов полагают, что значительная роль в процессах государственного строительства Украины принадлежит мафии и преступному миру [6, с. 60–65].

Таким образом, вполне можно заключить о наличии двух стандартов народного доверия — электорального и реального, которые можно рассматривать в качестве специфических индикаторов базовых культурно-идеологических противо-

речий избирательной демократии в Украине. Кроме того, обратим внимание еще на один аспект. Позитивным качеством демократического порядка принято считать конкуренцию между различными политическими субъектами, соревнующимися за право осуществлять “от имени народа” властные полномочия. Естественно, для того чтобы вступать в конкурентные взаимодействия, необходима соответствующая мотивация. Отнюдь не исключая альтруистические мотивы (“благо народа”) в политическом противоборстве, нельзя забывать о том, что власть — это не только механизм и способ осуществления социального контроля и регулирования социальных неравенств посредством принуждения и насилия, но и право контроля и распоряжения дефицитными в обществе ресурсами: материальными, интеллектуальными, информационными и др. Поэтому достаточно актуальной является проблема взаимосвязи явных (феноменальных) и теневых “реальностей власти” [7; 8; 10]. Особым аспектом анализа данной проблемы является изучение процесса легитимизации партикулярных (партийных, корпоративных) интересов властвующих субъектов — т. е. их реального права осуществлять политику заботы о “благое народа” через реализацию частного интереса (прежде всего посредством удовлетворения материальных потребностей определенной части деловой и политической элиты). Поэтому далеко не случайными являются те ситуации, когда скромные “слуги народа” неожиданно для многих “вдруг” оказываются олигархами, вполне легально нажившими огромные состояния. Принимая во внимание серьезность данной проблемы для постсоциалистических стран, представляется весьма перспективным исследовательский подход известного американского юриста и политолога Дж. Фишкина: атрибутом современного демократического процесса должна быть “чрезвычайная осмотрительность” [9, с. 29–41]. В этой связи важной и значимой научной задачей является изучение собственно “демократических” источников коррупции и организованной преступности.

3. Важным фактором демократического процесса является политическая конкуренция между различными ветвями власти. Но главная технологическая проблема состоит в поиске того, где находится центр принятия и реализации важнейших политических решений. Западные теоретики настаивают на значимости более полного расширения прав демократических представителей, которые более полно защищают социально эф-

эффективные политические решения. Каким образом можно решить вопрос расширения прав демократических представителей в нашем посттоталитарном украинском обществе? К сожалению, конструктивных ответов на данную проблему политического управления пока нет. В то же время целесообразно обратить внимание на следующий немаловажный аспект. Принято считать, что несомненным достоинством демократического порядка является создание правовых механизмов, препятствующих узурпации власти. Однако в этой связи вполне правомерно возникает вопрос: возможно ли в условиях демократии формировать и последовательно реализовать стратегии долговременного развития? Не является ли демократия специфическим типом общественного устройства, при котором властвуют временщики, умело манипулирующие ожиданиями масс и всегда убедительно демонстрирующие "объективно возникшие трудности" выполнения предвыборных обещаний? Характерно, что даже в самых развитых демократических системах по сути не существует правового механизма, побуждающего и принуждающего властвующих демократических представителей непременно выполнять все пункты своих предвыборных программ. Главные трудности создания таких механизмов можно объяснить препятствиями, обусловленными интересами властвующей бюрократии, которая стремится сохранить свои многочисленные привилегии и сакрализировать свой элитарный статус. Несомненно, что процессы социальной мобильности и изменения социального статуса лиц, осуществляющих властные полномочия, несомненно, должны тщательно изучаться. "Невозможно говорить о демократии, если власть отчуждена, отделена или противопоставлена массе людей, если ее осуществляют "от имени и по поручению" где-то в кабинетах" [1, с. 279]. Особую тревогу не может вызывать тот факт, что само слово "демократия" в ряде стран по сути стало синонимом волюнтаризма и безнаказанного произвола депутатов и чиновников, оправдывающих свои деяния народным доверием.

4. Научный поиск эффективных технологий стимулирования гражданской активности и самоуправления является важным фактором успешного осуществления демократических реформ. Данные технологии по своему функционально-

му назначению призваны усиливать механизмы самоорганизации, самозанятости, творческой активности. Главные истоки нынешнего кризиса системы политического управления, на наш взгляд, коренятся в доминировании патерналистских и компенсаторных технологий, которые в условиях острого дефицита материальных ресурсов попросту неэффективны.

5. Существенным инновационным фактором современного политического управления является разработка технологий диагностики многообразных обстоятельств соприкосновения реалий рыночных и демократических трансформаций постсоветских государств с глобальными тенденциями. Нельзя воспринимать глобализацию однозначно — как процесс прогрессирующей интернационализации общественной жизни. Глобализация — явление исключительно противоречивое с точки зрения воздействия на механизмы самоорганизации посттоталитарных систем. Поэтому политическое управление в постсоветских странах следует связывать с технологическими задачами защиты национального суверенитета, усиления факторов социальной консолидации общества.

Литература

1. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: Курс лекций. — М., 1997.
2. Белл Д. Культурные противоречия капитализма // Современная этическая мысль: Науч.-публицист. чтения / Редкол. А. А. Гусейнов и др. — М., 1990.
3. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социол. исслед. — 1992. — № 9.
4. Даль Р. О демократии. — М., 2000.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. — М., 1994.
6. Паніна Н. В., Головаха Є. І. Тенденції розвитку українського суспільства (1994–1998 рр.). Соціологічні показники (таблиці, ілюстрації, коментар). — К., 1999.
7. Dahl R. Controlling Nuclear Weapon: Democracy versus Guardianship. — N. Y., 1985.
8. Dahl R. Democracy and its critics. — New Haven, 1989.
9. Fishkin J. Democracy and Deliberation: new directions for democratic reform. — New Haven, 1991.
10. Russett B. Controlling the Sword: Democracy and National Security. — Cambridge (Mass.), 1990.
11. Shapiro I. Political Criticism. — Berkeley, 1990.
12. Toffler A. Power Shift. — N. Y., 1991.